

ROBERT M.
WEGNER

ПЕРЕВОД С ПОЛЬСКОГО: СЕРГЕЙ ЛЕГЕЗА

OPOWIEŚCI Z
MIEKHAŃSKIEGO
POGRANICZA

•
NIEBO ZE STALI

РОБЕРТ М.
ВЕГНЕР

НЕБО
ЦВЕТА
СТАЛИ

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

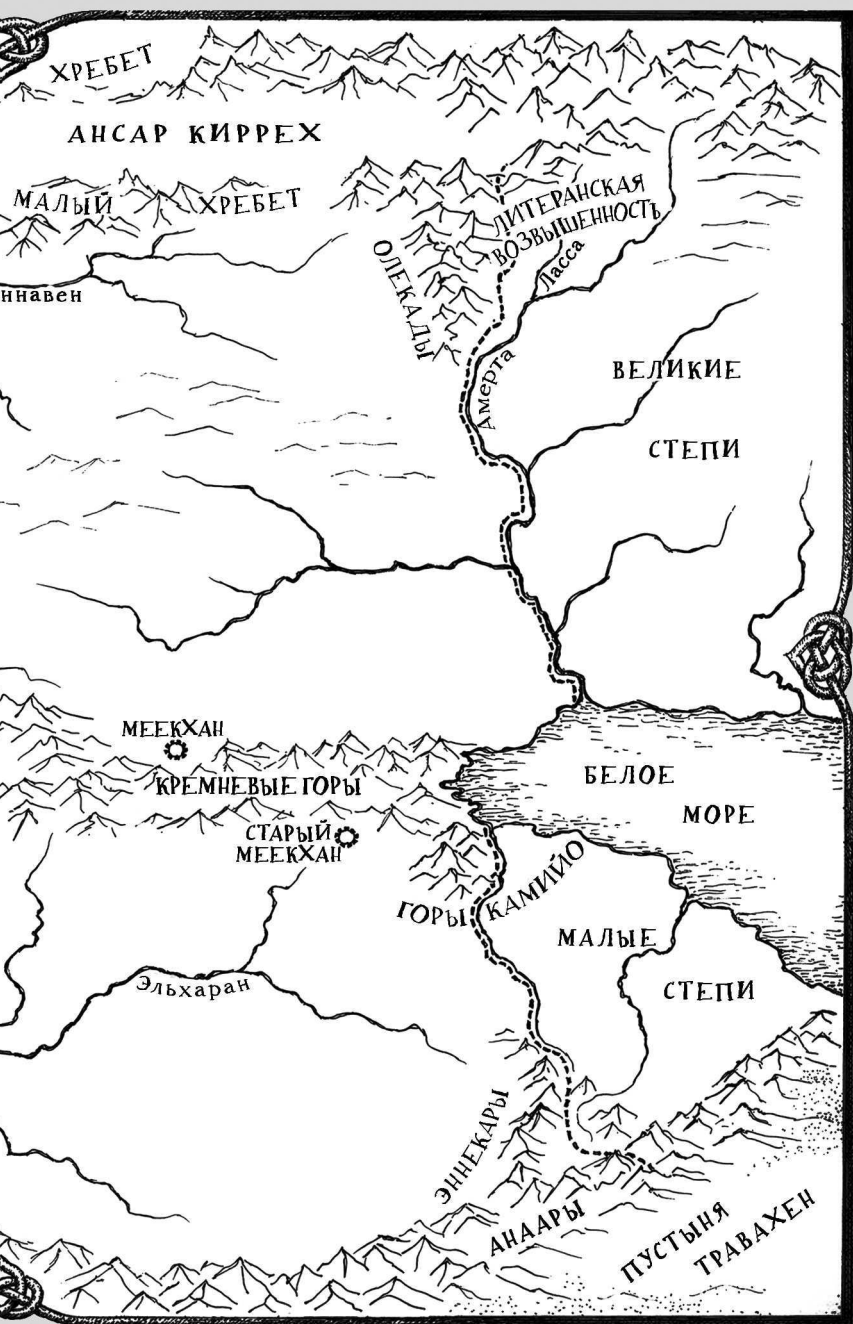
Москва
Издательство АСТ

**МЕЕКХАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ**

*Карта согласно
Кабинету Картографии
Императорского Университета.
Год 853
от основания Города*

ПРОЛОГ

Мальчишка стоит в полутьме и проводит взлядом по лицам. Тех — около трех десятков. Большинство — детские, многие — не старшие его самого. Дни печали едва миновали, почти на всех лицах следы белой краски; а у нескольких девочек волосы еще подвязаны в знак траура. Не знали, как по-другому выразить чувства. А теперь это...

Он смотрит на остальных спокойно. Происходят из разных кланов и родов, но во всех они — самые старшие и в последние годы сделались предводителями остальных.

— Мы потеряли бóльшую часть молодых воинов, — начинает он, и ни одно лицо не кривится, ни в одних глазах не видно неприязни. — Племена на долгие годы сохраняют слабость, однако мы сделали то, что сделали.

Он стискивает кулаки так, что ногти впиваются в кожу.

— Если бы я мог, убил бы их. Сжег бы повозки, вырезал бы всех их коней, чтобы они смотрели на это и плакали. Предатели... проклятые...

Ему не хватает слов, оттого он сплевывает и расстирает слюну пяткой.

— Отныне я буду воином клана Сломанного Клыка. — Такие слова из уст десятилетнего мальчишки

могли бы вызвать улыбку, когда бы не его глаза. — Буду в битве носить знаки моего дяди и ездить верхом. Имя мое теперь — Амурех.

Они кивают. Когда прыгаешь вниз головой с отвесного берега, задумываться нельзя.

— Дядя сказал, что мы получим часть их земель. А если они попытаются туда вернуться... Я буду ждать.

Он вынимает нож и глубоко ранит свою ладонь. Стискивает кулак, и кажется, словно он выжимает кровь из воздуха.

— Останется шрам. — Одна из девочек внимательно смотрит на него.

— Знаю. И каждый раз, когда я стану сжимать руку на оружии, буду вспоминать. Понимаешь?

— Да.

Часть I
ВКУС ЖЕЛЕЗА

ГЛАВА I

У глубоких долин главная проблема — обделенность светом. Тень в них лежит еще долго после того, как равнины и плоскогорья уже прогреются в лучах солнца, а влага утренней росы, что в других местах исчезает в несколько минут, тут может сохраняться долгие часы. Особенно на юго-восточном крае такой долины, вблизи одного из многочисленных в этих краях ручьев. Одежда, хоть ты и суши ее день напролет и прячь в провощенный мешок, утром будет влажной и станет раздражать неприятным липким холодом. Надо постоянно следить, чтобы ремни, доспехи, сапоги, ножны мечей и сабель, пояса и другие кожаные части экипировки оставались хорошо пропитаны маслом, ведь нет ничего хуже, чем патрулировать несколько дней в натирающих сапогах.

Кеннет никогда бы не выбрал для постоя своих людей такого места. Четыре куреня, поставленные, вероятно, еще до последней войны с кочевниками, смотрелись убежищем временным, к тому же соорудили их там, куда солнце заглядывало лишь на несколько часов в день, что тоже отразилось на постройках. Плесень и мхи радостно оккупировали дерево, часть досок исчезла, а пол — если можно так назвать утрамбованную глину — тут и там пробивали хвощи. Когда

месяц назад солдаты Шестой роты получили приказ перебраться сюда, они не столько подновили, сколько перестроили курени, латая крыши, наново утрамбовывая пол и день и ночь поддерживая огонь в очагах, чтобы осушить стены, насколько удастся.

И несмотря ни на что все это время влага продолжала им сопутствовать.

А еще холод. И раздражение.

Небо начало слегка розоветь, через часок вершины на восточном конце долины напыются солнцем, а небосклон делается цвета холодной голубизны, столь светлой, будто он — купол из отполированной до блеска стали. Только когда солнце полностью взойдет над горизонтом, мир обретет нормальные цвета: белизна снежных шапок, выброшенных на вершины, чернота и серость скал под ними, темная зелень хвойных лесов, которыми поросли подножия гор, и несмелая зелень трав в долинах. Цвета, главенствующие на Олекадах, можно перечесть на пальцах двух рук.

По крайней мере не нужно напрягаться при маскировке.

Кеннет неторопливо, не делая резких движений, глянул влево, потом вправо, дал сигнал. Видел двоих из трех часовых, оба подняли ладони вверх.

Всё в порядке.

Командир последним идет спать и первым — встает, это правило Горной Стражи было одним из тех неписанных, вековых и нерушимых, которых он придерживался неуказательно и безо всяких отговорок вроде усталости или неудобства. Но было у него еще и другое, куда более личностное: командир несет стражу со своими солдатами. От этой его привычки в последнее время Вархен и остальные десятники пытались Кеннета отучить. Потому что дурная привычка, постоянно говорил самый старый его сержант. Потому как,

если кто и вправду попытается подкрасться к нам ночью, часовые могут погибнуть первыми, а рота останется без командира. А значит, Кеннет должен проводить ночи в курене, точно? Но лейтенант, обычно склонный прислушиваться к советам Велергорфа, на этот раз дал повод всем вспомнить, что у него — три четверти вессирской крови.

Уперся.

Потому что в Белендене, в тысяче миль к западу отсюда, ни один из его солдат и думать бы не посмел предложить нечто подобное. Кеннет вместе с ними стоял в дозоре, таился в засадах, бился в первой линии. С другой стороны — и эта мысль заставляла кривиться, — когда у тебя тридцать девять человек, то хватит их лишь на первую линию.

Вокруг куреней рос колючий кустарник да невысокие деревца. Лейтенант не приказал их выкорчевать, поскольку до стены леса было всего пятьдесят ярдов, а потенциальным стрелкам задание лучше не облегчать. Кроме того, в кустарнике могли таиться часовые, застывая в неподвижности, растворяясь на его фоне. Как он сейчас, присев, в плаще, увешанном веточками и обсыпанном прошлогодними листьями, почти невидимый в полумраке рассвета.

«Мы охотимся, — подумалось ему. — Сами не знаем на кого, но расставляем силки в тихой надежде, что то, что в них попадет, окажется зайцем, а не медведем. Потому что такое — наша суть: когда близится опасность, мы не прячемся в замках и за частоколом, как здешнее дворянство, но ставим ловушку. Потому что на серну охотятся облавой, а на горного льва — приманкой. Потому что...»

Он поднял правую руку.

Все в порядке.

В ногу его упиралась теплая тяжесть. Кенва — второй в иерархии пес роты, — казалось, спал, но поставленные

торчком уши и легкое подрагивание мышц свидетельствовали: он бдит. Берф Мавс, отвечающий за собак, умел с ними обращаться как никто другой. Звери были членами отряда почти наравне с людьми, тянули сани, выслеживали, сражались, стояли на посту, даже получали жалованье. Ежемесячно из кассы полка роте выделяли несколько оргов на дополнительные корма. Несколько оргов — это стоимость половины коровы, но дюжина больших, под сто пятьдесят фунтов, собак легко управлялась с таким количеством мяса. И только глупец — причем глупец, лишенный воображения, — попытался бы их обманывать и на них наживаться. Плохо накормленный и оставленный без ухода пес — пес больной. А больной пес — это животное сонливое, медлительное и слабое. Псы шестой роты оставались наиболее ухоженными в полку и платили нерушимой верностью и послушанием, что обычно имело значение.

Потому что вот уже три месяца в горах исчезали люди.

Началось это с середины зимы. Кто-то вышел из дома и не вернулся, несколько купцов, выбравшись санями в короткие поездки по селам в северной части Олекад, пропали без вести, трое охотников, ставивших силки на лис с зимним мехом, не появились в условленном месте. Сперва никто эти происшествия не объединял, в горах — в любых горах — могло случиться все что угодно из отсылающего человека в Дом Сна. Лавины, бандиты и горные львы, лед на реке, что проламывается под ногами, несчастный случай, заканчивающийся свернутой шеей. Ничего необычного.

Но потом начали пропадать люди Саэноха.

Саэнох Черная Морда был одним из немногих бандитов, которые осмеливались показываться ближе чем за тридцать миль от замка Кехлорен. Большинство разбойников после увеличения числа Горной Стражи в этих краях

перебрались к северу или к югу, но не Саэнох. Уперся — и все тут. Одни говорили, что у него в ближайшей деревеньке женка с какими-то там детьми, которых он не желал оставлять, опасаясь завистливых соседей, другие же — что был он просто глуп. Так или иначе, но, когда те завистливые соседи дали знать власти, где скрывается банда, к указанным пещерам послали две роты Стражи.

Кеннет участия в той миссии не принимал, отряд его, как один из новых, получил приказ присматривать за ближайшими окрестностями, они знакомились с местностью, находили и запоминали тайные пути и тропки. Но те, кто вернулся... принесли сплетни о том, что они нашли... о людях Саэноха, которых кто-то распял, прибив к стенам пещеры железными костылями, вколоченными с такой силой, что их не удалось выдернуть из скалы.

Четырнадцать бандитов. Якобы следов схватки не было. И якобы двое оставались живы. Якобы следопыты потеряли след убийц через несколько десятков шагов, а армейский чародей не мог прочесть ничего.

Слухи и заставляющие стынуть кровь в жилах рассказы — только это и осталось, поскольку две роты, принимавшие участие в том деле, сразу же отослали на южные отроги, к самому дальнему из замков. И удвоили патрули в окрестностях.

Но это не помогло. В следующие пару месяцев исчезло пять отрядов Стражи. Небольшие, максимум до десятка человек, посылаемых проверить состояние горных путей и связаться с отдаленными постами, но ни разу не удалось прояснить обстоятельства их исчезновения, и не было найдено ни единого тела, хотя все надеялись, что весеннее таяние снегов раскроет тайну.

Первый, Девятый и Двадцать Шестой полки Горной Стражи представляли собой так называемое Восточное